

ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ: ОБ ИМЕЮЩИХСЯ ПРОБЛЕМАХ

Производство по уголовным делам частного обвинения является одним из наиболее дискуссионных институтов уголовного процесса. Ученые-процессуалисты высказывают многочисленные предложения по его совершенствованию, а отдельные из исследователей предлагают вовсе отказаться от указанного порядка преследования. Обусловлено обозначенное обстоятельство наличием большого количества проблемных аспектов, вызванных определенным несовершенством законодательной регламентации указанного вида уголовно-процессуальной деятельности, вызывающих затруднения у правоприменителя и требующих научного осмысления. Одним из таких вопросов, не урегулированных действующим уголовно-процессуальным законодательством, является возможность преследования в частном порядке отдельных категорий лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 468¹ УПК Республики Беларусь.

Так, в гл. 44 УПК, определяющей порядок производства по уголовным делам частного обвинения, оставляет открытым вопрос о возможности уголовного преследования в указанном порядке отдельных категорий лиц. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь № 1 от 31 марта 2010 г. «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» также оставляет указанный аспект за скобками, что, на наш взгляд, можно объяснить тем обстоятельством, что подобные факты достаточно малочисленны на практике. Вместе с тем указанные ситуации возможны. Например, от совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 317 УПК, характеризующегося неосторожной формой вины, не застрахован любой участник дорожного движения вне зависимости от занимаемого им служебного положения.

Стоит отметить, что в науке отечественного уголовного процесса указанная проблематика не получила должного осмысления. Так, ни в одном из изученных нами литературных источников, посвященных производству по уголовным делам частного обвинения, указанный проблемный аспект не затронут. Обошли его вниманием и авторы Научно-практического комментария к УПК. В российской уголовно-процессуальной доктрине указанный вопрос исследован несколько более полно, причем точки зрения ученых на порядок производства в описанных нами обстоятельствах разнятся.

Так, Р. Лукманов полагает, что возбуждение уголовного преследования в отношении отдельных категорий лиц по рассматриваемой категории дел должно осуществляться в порядке частного обвинения, мотивируя свою позицию диспозитивным характером данного производства. По мнению ученого, обязанность государственных органов осуществлять уголовное преследование по каждому факту преступления в полной мере распространяется лишь на дела публичного и частно-публичного обвинения, порядок же возбуждения уголовных дел частного обвинения обусловлен в определенном смысле их уникальным характером, выраженном во внесении законодателем диспозитивного начала в процедуру их регулирования.

Противоположной точки зрения по рассматриваемой проблематике придерживается К. Муравьев, по мнению которого возбуждение уголовных дел частного обвинения в отношении специальных субъектов должно осуществляться по заявлению пострадавшего (его законного представителя) по правилам производства в отношении отдельных категорий лиц. Ученый обосновывает свою позицию тем, что данное производство строится на началах диспозитивности, а также тем, что у пострадавшего лица по делу частного обвинения имеется альтернатива в вопросе возбуждения уголовного преследования, таким образом, по его мнению, пострадавший вправе прибегнуть к помощи компетентного правоохранительного органа, который обязан принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, в том числе частного обвинения и при наличии основания в пределах компетенции возбудить уголовное дело.

Итак, ни в отечественной, ни в российской уголовно-процессуальной доктрине не выработан однозначный подход к решению вопроса о порядке производства по уголовным делам частного обвинения при производстве в отношении отдельных категорий лиц. Указанные обстоятельства детерминируют необходимость более детального исследования рассматриваемого вопроса с целью выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию его законодательной регламентации.

КОНТРОЛЬНО-ПРОВЕРОЧНЫЕ СТАДИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В соответствии с п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией. В сфере уголовно-процессуальной деятельности порядка пересмотра судебных решений дифференцируются в зависимости от их вступления в законную силу.

Так, в УПК Республики Беларусь установлены две формы обжалования судебных решений – апелляционный и надзорный пересмотр. В первом случае проверяются не вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам, во втором – вступившие. Мировой уголовно-процессуальной науке и практике известны две формы обжалования не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам: апелляция и кассация. Апелляция и кассация являются самостоятельными формами проверки судебных решений, не исключаящими друг друга, а «сосуществующие» в одной плоскости и различающиеся предметом проверки и задачами. Апелляционная инстанция, проверяя решение с точки зрения права и

факта, наделена полномочием вынесения нового решения по существу дела, суд кассационной инстанции – только с точки зрения права, т. е. он правомочен «сломать приговор» и вернуть дело в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение. В апелляционном порядке обжалуются неокончательные с точки зрения установления фактических обстоятельств дела решения, а в кассационном – окончательные, но в обоих случаях решения являются не вступившими в законную силу. Проверка вступивших в законную силу судебных решений именуется во Франции «кассация в интересах закона» и «ревизия», в германском уголовном процессе – «возобновление производства, оконченого приговором, вступившим в законную силу».

Следует отметить преимущество института проверки не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, так как это гарантирует обращение к исполнению и исполнение законных, обоснованных и справедливых решений. Английский философ Ф. Бэкон отмечал: «Правосудие всего мягче, когда оно быстрее». Именно поэтому мировая практика идет по пути признания проверки законности, обоснованности и справедливости вступивших в законную силу судебных решений как исключительного порядка.

Действующий в настоящее время апелляционный институт в белорусском уголовном процессе в качестве новеллы введен Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» вместо кассационной формы проверки. Одной из современных задач апелляционного производства выступило сокращение количества отменяемых судом второй инстанции приговоров с направлением дел в суд первой инстанции посредством окончательного рассмотрения апелляционными судами. С этой целью были существенно расширены полномочия суда второй инстанции по непосредственному исследованию доказательств, корректировке судебных решений в сторону ухудшения положения обвиняемого (ч. 3 ст. 396 УПК). Законом была реформирована и надзорная стадия уголовного судопроизводства. В частности, несколько расширены полномочия суда надзорной инстанции по изменению приговора по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого (ч. 2 ст. 414 УПК).

Как следует из данных судебной статистики, количество отмененных приговоров (в лицах) в судах второй и надзорной инстанций республики уменьшилось с 831 в 2014 г. до 240 в 2017 г., а количество измененных приговоров, наоборот, существенно увеличилось с 877 (2014 г.) до 1 587 (2017 г.). Более чем вдвое снизилось количество отменяемых приговоров судом второй инстанции (на примере Брестской области).

Вместе с тем такого рода системные изменения в судопроизводстве не позволили решить проблему обеспечения процессуального принципа окончательности судебных решений или так называемого в международном праве принципа правовой определенности (*res judicata*). Представляется, что отмена или изменение решения по уголовному делу в порядке надзора противоречит данному принципу. Белорусские исследователи-процессуалисты (Л.И. Кукреш, М.А. Шостак) надзорное производство называют исключительной стадией уголовного процесса, что обусловлено законодательной регламентацией. Однако, например, количество надзорных протестов, рассмотренных в 2017 г. Верховным Судом Республики Беларусь в данной стадии уголовного процесса, незначительно меньше апелляционных жалоб и протестов (129 против 184 соответственно). Как показывает правоприменительная практика, вступившие в законную силу судебные решения неоднократно перепроверяются, отменяются или изменяются, несмотря на исключительность надзорного порядка обжалования. Значительную часть отменяемых и изменяемых судебных решений составляют приговоры, не обжалованные в апелляционном порядке, так как законодателем не предусмотрено ограничений надзорного обжалования в связи с не обращением сторон в апелляционную инстанцию. Так, все отмененные президиумом Брестского областного суда в 2017 г. приговоры не были предметом апелляционного пересмотра. В УПК Республики Беларусь по-прежнему сохранены тождественные основания к отмене или изменению судебного решения в апелляционной и надзорной инстанциях (ст. 389, 413, 414) с ограничением прав и законных интересов участников уголовного процесса в последней. Так, в порядке надзора обжалуются обращенные к исполнению приговоры, в надзорную инстанцию вправе обращаться с протестом исключительно компетентные должностные лица, перечисленные в законе (ч. 2 ст. 404 УПК), а не заинтересованные в исходе дела участники процесса. Не менее важными обстоятельствами являются неограниченность срока надзорного обжалования (исключение – по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, – не позднее года с момента вступления решения в законную силу) (ст. 406 УПК), а также наличие нескольких надзорных инстанций (президиумы областных, Минского городского судов, судебная коллегия по уголовным делам, Президиум и Пленум Верховного Суда) (ст. 407 УПК). Усугубляется ситуация ограниченностью прав участников процесса на обжалование состоявшегося итогового решения суда апелляционной инстанции – апелляционного определения, которое вступает в законную силу после провозглашения. Вместе с тем апелляционная инстанция правомочна применять закон о более тяжком преступлении, назначать более строгое наказание и др.

Обращаясь к опыту стран постсоветского пространства, имеющих общие исторические корни, отметим, что с восстановлением института апелляции отдельные государства постсоветского пространства (например, Азербайджан, Молдова, Украина) отказались от обжалования судебных решений в порядке надзора в пользу иной исключительной прогрессивной формы проверки судебных решений (например, «дополнительная кассация» в Азербайджане; «производство в Верховном Суде Украины»). В указанных государствах, а также и в других странах постсоветского пространства введение института апелляции связано с изменением сути института кассации (а не исключением данного института, как в Республике Беларусь) в соответствии с доктринальными положениями о том, что кассация есть форма пересмотра судебных решений с позиции права.

Изложенное позволяет констатировать, что введенные новации ставят под сомнение решение задач судебной реформы в плане повышения оперативности правосудия, внедрения общепризнанных международных стандартов осуществления правосудия. Видится перспективным законодательное реформирование надзорного производства в пользу кассационной формы проверки законности решений по уголовным делам судов первой и апелляционной инстанций.